

судьба которых неизвестна. В настоящее время машинопись писем Клюева к Яр-Кравченко хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) Российской Академии наук.

За пределами настоящей публикации остаются: письмо Клюева к Анатолию 1933 года, выражающее чувство наступившего к этому времени сердечного разрыва с ним («Как твои карие яхонты? Померкли для меня — твоего придворного поэта навсегда?.. Целую тебя в них...»), и ряд писем к нему уже из Сибири. Эти письма (подлинники) хранятся в семейном архиве Б. Н. Кравченко и требуют отдельной публикации.

Что же касается писем из архива Иванова-Разумника, то по поводу их необходимо сказать еще следующее. Их первоначальный машинописный состав был значительно полнее. Но архив постигла трагическая участь разгрома в период немецкой оккупации. Многие страницы машинописи по этой причине оказались пропавшими бесследно, о чем свидетельствуют пропуски в их нумерации, а другие были подобраны в плохом состоянии. Кроме того, судя по пропускам в машинописи, она и печаталась с частично уже подпорченного и утраченного текста оригинала. В силу этого несколько таких сохранившихся

лишь фрагментарно писем мы в нашей публикации не даем. Исключение составляет только последнее письмо (№ 31), которое, будучи в конце оборванным, тем не менее дает информацию относительно обстоятельств ареста Клюева. Какие-то его стихи Анатолий по неосмотрительности передал дружившему тогда с ним поэту Павлу Васильеву (его Клюев, кстати, высоко ценил), что и вызывает, судя по уцелевшей части письма, тревогу Клюева. И не безосновательную, что в дальнейшем и подтвердилось. Павел Васильев проживал тогда в одной квартире с И. М. Гронским (они были женаты на родных сестрах), крупным партийным функционером и ответственным редактором «Известий», а также редактором «Нового мира». Стихи Клюева через Павла Васильева легко могли попасть ему в руки. Из поздних воспоминаний самого Гронского известно, что именно он оказался инициатором ареста Клюева в феврале 1934 года.³

Письма печатаются в соответствии с современными нормами написания, но с сохранением специфики авторской пунктуации (предпочтение запятым — тире). Комментарии в конце текста.

³ См. Никё М. И. М. Гронский о новокрестьянских писателях (Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г.). «Минувшее», Paris, 1989, № 8.

Н. КЛЮЕВ. ПИСЬМА К А. ЯР-КРАВЧЕНКО

1.

(Москва, 1930 г.)

Мир тебе и любовь, дитя мое! Пусть лебедь тишины и покоя бороздит лед и яхонт твоих зрачков милых. Да будет! Да будет!

Мы заболели с тобой одинаковой болезнью — у меня кашель не дает покоя — особенно ночью. Нужно молоко горячее с маслом и с содой, но где их взять? Везде продают масло с маргарином, что крайне вредно при болезни гортани. Спаси Христос твою печальницу маму за хлеб-соль! Вот уж рыбица на мели: бьется — и тяжело дышит за всех. Меня очень обижает дядя Пеша¹ — с утра до двух-трех часов ночи осыпает бранью и издевательствами. Пока я был здоров — то он воздерживался, но лишь только догадался, что я немного не могу обойтись без его ничтожных услуг, как показал свои когти. Как только поправлюсь, нужно принять меры, чтобы от него отделаться, но — бога ради побереги себя — отлежись и окончательно поздоровей — каждый твой час жизни и моей час жизни — здоровья и счастья. Ты это как-то должен утвердить себе потверже. Я знаю внутренне, что уже три-четыре года назад лежал бы я на Волковом кладбище, если бы не было в моем сердце тебя — моего индийского царевича — твоих слов и дыхания. Вот почему и враждебны душе моей чужие вторжения (и чужие руки) в любовь нашу. Ненавистью к чужим я защищаю свою жизнь и самого себя. Знаю, что такими признаниями я даю тебе полную власть над собой, но сохранит тебя лебединный ангел от злоупотребления ею. Но когда ты захочешь сознательно и холодно трезво, чтобы я снял себе угол (пропуск в машинописи) у безносой хозяйки Волкова кладбища, ты можешь сделать это почти одним словом. В болезни своей я жалостно, как озябшая бездомная собака, горько понял это. Еще недавно Коленька² уговаривал меня и предостерегал от этой мысли, но наперекор рассудку я сладко взрастил ее в своем сердце. Я прошу тебя помолиться Христу за меня, не подбирая слов, а признаваясь ему в чувствах до конца. Поправляйся — милый.

Н. Клюев

2.

Москва, конец зимы 1931 г.

(Лист машинописи с началом письма утрачен) ...прописать на площадь другое лицо — уплотнить меня, так как в Москве насчет площади очень строго. Чужой человек — с улицы в моей комнате — будет ужасным событием. Чтобы этого не случилось, немедленно собирайся. Посылай барахло пассажирской (здесь и в дальнейшем подчеркнуто автором. — А. М.) скоростью. Стоит тридцать руб(лей) за тысячу килограммов. Да с собой багажом возьми — что можно, что у вас оставлено — две корзины у кумы, у нее же самовар. Самовары в сундук, или куда знаешь — лучше с собой взять маленький, чтобы не помялся. Большие доски в кожу — что лежит на полу, да зашить в половики и т. д. При обмене мне поставили условием оставить в Питере свою кровать красного дерева с пружинным матрасом в обмен на великолепную кровать орехового дерева (пропуск в машинописи) высоким двухпудовым стеганым матрацем — вещь удивительно покойная и стоит пяти твоих кроватей. Я нахожу разумным и выгодным тебе поменяться, жалко такую кровать ломать в дороге. Когда женишься, — и кровать готова, чрезвычайно крепкая и неподвижная, моя кровать против этой барахло, так что ты не сопротивляйся и положишь на мое желание тебе всяческого добра и папе с мамой объясни это. А если найдешь нужным, то и не говори, а просто поставь свою кровать на место моей, а мою не вези — оставь Борису³, потому что московская кровать двухспальная, прямо как колыбель, упитательная. Стоит она по рыночным ценам с пуховиком не меньше 500-600 руб(лей). Если упустим, то век не видать такой. Хозяев я уговорил смениться — чтобы не ломать вещей взаимно. Ковер вези с периной и одеялами и подушки отдельно с собой, багажом. Да фонарь тоже отдельно, чтобы не смять.

Ах, какая у нас будет кровать. Прошу тебя, радость моя пресладкая — устрой и не сопротивляйся обмену, чем возить и разбить свою на грузовике при перевозке! Немедленно пиши ответ, да всенепременно вставь в письмо следующие строки: «Лидия Александровна ничего не имеет против того, чтобы девушка-прислуга ночевала на кухне». Смотри не забудь этих строк вписать, иначе со мной условия расторгнут. У нас так решено. Не наделай беды! Только бы мне отправить моих сменщиков в Ленинград, а там пусть разбираются как хотят. Понял? 27 марта новые хозяева моей кельи приедут с большим количеством вещей, так что я обязан к этому числу очистить помещение.

Шкап по стеклу покрой фанерой, сзади доски прибей, они шатаются, но ничего не клади внутрь, кроме легкого — также и в ящики комода, чтобы не тяжело было его двигать; а следовательно и не ломать. Спроси у Коленьки — он тебе посоветует. Скажи, что я прошу его со слезами! В последний раз. Дрова, какие у тебя есть, оставь за печкой, чтобы люди с дороги могли затопить печку. Они мне оставляют целый чулан березовых сухих дров. Люди очень хорошие — муж с женой.

Страшно жаль, что не могу я их устроить так, как они заслуживают. Денег у меня в настоящий момент нет. Но в апреле будут, и я возвращу тебе сторицей. Будь спокоен. Собирайся. Трепетно жду. Я очень устал от ежедневной езды и хлопот. Помоги мне напоследки, и я исцелюсь!

Бумажку отнеси не медля в жакт, это предупреждение, чтобы жакт знал — о скором приезде новых жильцов. Остальные документы будут вручены ими лично. Ключей в жакт не сдавай, а оставь у своих — маме. У нее и спросят, как приедут. Но ни за что в жакт не сдавай!

На Клычкова⁴ от Союза⁵ не получено никакого извещения. Сходи в Союз и поговори, а также возьми справку в Доме печати, во втором этаже, о том, что я в Ленинграде пользовался прибавочной площадью в ординарной уплате. Как высоко квалифицированный писатель. У меня сердце сжимается, что я наделал тебе столько хлопот. Прости меня, любимая ласточка! Ну, устал писать. Благословляю тебя в путь-дорогу. Не забудь свои валенки, а мои сапоги. Здесь погода прекрасная, ровное тихое солнце.

Холода миновали, и с вещами на вокзале будет удобней возиться. Прилагаю список вещей, которые я обменял, чтобы их тебе не укладывать.

1) Таз эмалированный.

2) Лампа и два жестяных бидончика (у автора — бетончика. — А. М.).

3) Поднос (в камине) продолговатый медный.

4) Две полосы зеленых портьер,— занавесей (они оставили мне свои, в окна более подходящие), которыми ты укрывался.

5. Кочергу (трубу самоварную и тушилку желательно привезти, здесь они стоят 30 руб(лей)).

Итак, верный мой, приезжай в свое гнездо. Устал писать. Здесь насчет продуктов хорошо, есть все. Мясо, масло, мануфактура — на рынках. Прилетай, моя ласточка! Прощебечь мне весну!

3.

Москва, 4 октября 1931.

Пишу второе письмо, дорогой мой. Что с тобой? Очень беспокоюсь (...). Но здесь очень трудно, даже чрезвычайно тяжело, устроиться с комнатой. Можно неудачу в пригородах. Знакомые говорят, что есть красивые места и зимние теплые дачи. На одну комнату в Москве или иногда в Ленинграде меняют две-три комнаты с балконом, огородом, деревья под окнами, но очень тяжело с дровами (...) было одно предложение на комнату в десять метров — это не комната, а западня какая-то. И мне стало грустно. Дела мои по-старому. У Керосинкина гостя из Саратова. Я больше у Нади⁶ — у остальных с ночлегом не выходит. Жду спешно твоего ответа. Вышли первым медицинское свидетельство и посылкой книгу, о которой мы говорили. Посылай на Керосинкина. Уплати за комнату. Как ты провел время с химической барышней? Ее ухаживания за тобой (...) не без результатов. Финал вашего знакомства меня режет на куски. Но что делать. Нужно было ждать этого (...) Дров в Москве нет. Обмена нужно ждать как случая. Подумай покрепче и не медля отвечай. Все благополучно. Только облею, как ты приехал. И сколько времени пробыл с химической барышней? Останавливались ли в доме крестьянина или только заходили туда на час-два? Отвечай.

(...)

4.

Москва, 12 октября 1931 г.

Письмо с упокоением получил. Человек по комнате приходил от меня и еще будет ходить, иначе нельзя. Все благополучно. В ноябре, быть может, поеду на Кавказ полечиться. Послал тебе письмо со стихотворением — получил ли? Был в опере, слушал Садова⁷ — великолепен и необычайно сочен. Миша⁸ переезжает в Ленинград. Кардовский⁹ и Коренев — студий не держат и учеников не принимают.

5.

Москва, 20 октября 1931 г.

Дорогое мое дитя,

Лосенок мой — золотое копытце.

Что ты редко мычишь — видно, хорошо чувствуешь себя без старого сохатого оленя? Не заблудился ли в пихтовой чаще ты, — заплутал в буреломе — смотри, как бы не провалиться в берлогу — кругом медвежий храпы, с опаской лыжи правь. Стремлюсь, простираюсь к моему апрельскому, озимому солнышку, но жду 25 октября, чтобы получить ответ о лечении. Миша с женой, вероятно, приедут на днях в Ленинград. Дела мои налаживаются. Последнее дело это тетя Соня — тогда будет покой. Твердо уверен, что и это устрою.

Отношение ко мне исключительно хорошее, а насчет гостей, так не хватает никаких сил, чтобы обслужить всех. Был на «Пиковой даме» в Большом. Слушал Садова в Томском¹⁰ — очень ярок и большой мастер — красивый гусар. Мадур Вазу¹¹ печатают в Академии с текстом и Плотникова.¹² Ты мне не упоминаешь, как твои летние работы? Кому ты их показывал, и какими они кажутся людям? Быть может, я не уеду на Кавказ — тогда что делать? Жить ли здесь и хлопотать о комнате или к тебе, моему солнышку? Без тебя никакая Мацеста не поможет моему сердцу! Сходи в Ленкублит — скажи о дровах, я подавал давно о них заявление, выясни это и похлопочи. Если я останусь в Москве на ноябрь, если будет это очень необходимо, то не можешь ли ты приехать ко мне? Денег я добуду и пришлю тебе, а у Керосинкина будет к этому времени свободно — пожить — он с женою уедет в Крым. Как Коленька, Илья Николаевич¹³ — все ли у них ладно? Как папа с мамой? Кланяюсь им и Борису Никифоровичу, Куме, Куму... Как твои дела и работа?

Кореневы 20-го октября уезжают в Италию. Кардовский учеников не берет. Вот устроится Миша — он, быть может, будет тебе полезен. Горячо прошу тебя — отвечать на каждое мое письмо! Крепко целую. Сердце мое всегда с тобой. Болею своим сиротством без Лосенка. Твой Старый Лось тяжело вздыхает — ото всех своих звериных печенок — слышишь ли ты эти тяжкие мыки? Где ты — золотое копытце? В какой чаще ты плутаешь? Не попадись волку, а еще злее — волчице! Дорогое дитя мое, тебе моя жизнь, мои песни, слезы мои, вся тревога моя и трепет невыразимый. Целую, благословляю. Всегда с тобой. В снах моих, в желаниях, во свете и во тьме. Исстрадался я без голубого лосенка. Ах, как исстрадался. Жду немедленного ответа. Прости!

6.

Москва, 22 октября 1931 г.

Дорогое мое дитя, мой Толечка — с приездом в Москву повремени. Я об этом пошло тебе телеграмму. Керосинкин уедет 1-2 число — комната будет свободна, и можем в ней пожить. Кореневы раньше меня пустили в свои комнаты своих родственников. С переменной пока ничего не выходит. Предложений много, но все не годятся. Зимние дачи меняют лучше и чаще, по электр<ической> ж<елезной> д<ороге> недалеко. Если очень необходимо, то можно сменять на 9-12 метров плохую, которую больше никогда не обменять на лучшую.

7.

Москва, 22 октября 1931 г.

Немедленно пришли несколько №№ газет с объявлениями о московских комнатах. Поторопись. Письмо твое от 19¹¹_X 31 получил. Спасибо за ласковые, сердечные слова — они так мне нужны — и так по ним я грущу. Прошу тебя, будь тверд и непоколебим в своей вере и посвящении. Всегда помни, что над всем высшая воля, а потому не уходи от самого себя, не верь соблазнам, откуда бы они ни исходили! Не изменяй своему сердцу, чтоб не надломилось окончательно.

8.

Москва, октябрь 1931 г.

Кланяюсь тебе низко и целую сладко. Буду жить до 25 октября, если не уеду в Мацесту. Прошу тебя, смажь мои хорошие сапоги гуталином, чтобы они не пересохли и не полопались. Сходи в Ленкублит, спроси о дровах. Скажи, что у меня давно подано о них заявление. Позвони Елене Мих<айловне> об той же нужде. И если мне дрова есть, то заплати за них и вывези. Распорядись сложить их примерно и аккуратно, чтобы не растащили. Похлопочи, прошу тебя! Чтобы не бедствовать в холод. Если заявление надо повторить, то спроси об этом и напиши сам от моего имени. Невыразимо скучаю. Михаил Дим<итриевич> Егоров приезжает в Москву, а потом в Ленинград жить. Жду письма.

9.

Москва, 29 октября 1931 г.

Дорогое дитя мое, — я уезжаю первого числа ноября. Адрес: Сочи, Дом отдыха печатников, бывшая дача Данилевского. Благословляю тебя — всей силой любви моей. Жизнь тебе и верность! Не унывай и не скорби, все в свое время придет! Еще месяц твоей верности и мы увидимся, — если Любовь благословит. Ни одного дела мы не должны предпринимать без благословения Любви. Помни крепко, что житейские будни лишь покрывало тьмы — за которым синие весны. Лобзаю тебя лобзанием Песней, возлюбленный мой, брат, дитя и веселие мое!

Напиши, какой номер нужны тебе штилеты? Есть 45-й.

10.

Москва, 29 октября 1931 г.

Буду ждать жадно твоего письма ко мне в Сочи, Дом печатников. Поклонюсь от тебя морю, Лермонтовским дубам и олеандрам, — возлюбленный мой! Грустно, что не могу тебя прижать к сердцу моему — дорогой лосенок!

Прошу тебя всем жаром и святыней моей — о верности, памяти и чистоте. Пожелай

мне здоровья и крепости, чтобы встреча наша была полной и счастливой. Да утишит надежда твои юные бури, да улягутся волны твоих молодых и неизбежных сомнений,— будь тверд, мужественен, встречая темные призраки на житейских тропинках. Буду жить тобой и морем, дышать тобой и южной осенью.

11.

Сочи, 10 ноября 1931 г.

Приехал. Синий шелк неба и моря, молчат кипарисы... Нет тебя — свет мой, но мир, мир тебе! Целую. Люблю. Рассказываю о тебе солнцу и осенним тюльпанам.

Н. К.

12.

Сочи, 12 ноября 1931 г.

Низко кланяюсь.

Крепко целую.

Так явственно вижу тебя у моря под серебряным буковым деревом. Прошу письма быстрым. Кланяюсь Папе, Маме, Борису.

13.

Сочи, 18 ноября 1931 г.

Привет с Кавказа, море и кипарисы кланяются. Жду письма, первого выезжаю в Москву.

Крепко лобызаю. Н. Ключев

14.

Сочи, 18 ноября 1931 г.

Дорогой художник, кланяюсь низко, целую крепко, тоскую по тебе сердечно. Кажется, поправляюсь. Еду на концерт в санаторию, пишу по пути. Читаю стихи из книги «Ленин»¹⁴ — буря восторгов. Жду письма. Плати за квартиру.

Н. К.

15.

Мацеста, 18 ноября 1931 г.

Тридцать тепла.купаются в море. Мое окно прямо на море и бархатные дубы.— Такая радость и вместе грусть, что нет тебя — лебеденок мой! Комната на одного, отношение чрезвычайно внимательное. Первый выход в общую столовую был под бурные аплодисменты. Сердцу лучше, доктор утешает, что не умру. Послал тебе телеграмму, чтобы выслал срочно «Стихи из колхоза»¹⁵ — жду, крепко и преданно целую.

16.

Новая Мацеста, 20 ноября 1931 г.

Дорогое мое дитя, (пробел) умоляю тебя от всей крови моей, не принимай никаких приглашений в гости к помощнику Архитектора — это меня безмерно волнует. Я его знаю как зловещее существо. Спешное получил, со слезами читаю его и не могу насытиться медом слов твоих! Пишу на Мацесте за минуту до ванны. Лобызаю тебя сладостно. Жду и верю тебе, не ходи ни под каким видом и предлогом к этому человеку! Свету очей твоих кланяюсь низко.

Жакту удостоверение.

17.

Москва, 8 декабря 1931 г.

Сообщи не медля, когда приедешь. Я с четвертого числа в Москве. Наконец кончился кавказский месяц,— такой прекрасный, но тяжкий по разлуке! Пишу кряду же подробное письмо. Прочитав и дождавшись которого, приезжай, по возможности не откладывая. Жду.

18.

Москва, 23 декабря 1931 г.

Все еще, несмотря на усилия, — не обменялся. Много было предложений, но все не подходящие. Еще сделаю последнее объявление, — и ты не вини меня — в неподвижности и неделании. Отвечай, что делать? Без твоего разрешения окончательного я ни то, ни сё. Быть может, нужно брать первое попавшееся?.. Как по твоему? Папы не видал и не слышал.

Легче можно в пригородах — две и даже три комнаты с терраской, с деревьями под окном, в зимней даче. Как твои мысли насчет такой меня и жития? Обязательно опиши! Но без денег ничего невозможно. Высылай, не медля, книгу. Я уже имею предложения на комнаты, а от тебя ни слуху, ни духу! Пиши через день, как и что. Иначе нельзя.

19.

Москва, 23 декабря 1931 г.

Папы не видел. Слышал, что он приходил к Керосинкину дней за пять-шесть до моего прихода и будто бы сказал, что будет в Москве два дня — значит, разыскать его было поздно. Если он в Питере и что имел передать мне, то пусть — Тверской бульвар, 25, кв. 3. Клычкову. Но в центре и под рукой. У Керосинкина я был один раз, его нет дома. И комната закрыта. Посылаю заказное письмо с удостоверениями. Жду скорейшего ответа на имя Надежды Федор(овны).

20.

Москва, 23 декабря 1931 г.

Дорогое дитяtko — очень вредно отзывается на мне разлука с тобой! Что делать? Одно знаю твердо, что разлука — это чужая сторона без солнышка сушит. Есть комната 18 метров с газовой кухней, с паровым отоплением, с газовой ванной, но далеко на окраине в заводском районе — как быть? Отвечай немедленно. Дела мои заметно двигаются, и все пока хорошо. Вот Керосинкина нет — уехал в Саратов и комнату закрыл. Если ты находишь для себя не мучительным — приезжай, устроимся — пошли телеграмму, какой вагон — я встречу, адресуй: 2-й Голутвинский, 8, кв. 2. Садовой. Ночевать есть место. Привези с жакта записку, что он не встречает препятствий для обмена комнатой. Скажи, что богатый инженер и жакту выгодней, чем я. Без записки жакта — нельзя. Ах, если бы ты посмотрел комнаты! Показывая — обращай внимание (на то), что окно занавешено — оттого и темно, но если снять занавес, то все зальет светом. Хвали пуще — кухня, мол, очень хорошая, общая. У двери нужно с коридора лампочку... и т. п.

Жду ответа немедленно. Отрезы есть в комиссионных... Привези зеркало... будет и отрез! И ветер, и тени — ты во всем — прошло столетье, как мы расстались.

21.

Москва, 1931 г.

Дорогое дитя мое.

Необходимо, чтобы ты приехал, я изнемогаю от разлуки и одиночества, а это сказывается и на устройстве моих дел. Приезжай не откладывая и привези непременно мое складное зеркало, что положено мною на шкафу в вашей столовой, но вези так, чтобы не разбить, — лучше всего, если ты его завернешь в одеяло-подушку и в вагоне будешь ставить его на кромку, а не плашмя. Длинную же картинку, которую не привезла Анна Никифоровна, и ты не вези, лучше привези валенки и оленью шапку и в ней рукавички малиновые, да рубахи с зимним пояском, который я ношу зимой, ты должен знать — может быть, он в комодe, а может, у вас. В комодe же в нижнем ящике в платочке немного пуху гагачьего захвати — переделай оленью шапку, не то ее на меху носить жарко. Хорошо бы, если бы привез ватное новое одеяло — его здесь я сменял бы на синее пуховое, что очень необходимо. Мое пунцовое — оно у вас лежит. Шарф теплый привези. А главное то, что на вашем шкафу! Все это легкие вещи, мне очень жалко затруднять тебя, но как же иначе? Сходи в Ленкублит — спроси про дрова, у меня давно — весной подано заявление — три кубометра. Необходимо их во что бы то ни стало выцарапать — не мне,

так вам, или сменяться... Потрудись! Если до твоего отъезда не привезут, то поговори с дворником на Морской — чтобы он прибрал дрова — посули ему хорошо поблагодарить, а также предупреди Лидию Александровну, чтобы не отослала назад — мол, хозяина нет. Да скажи ей, что за телефон будет уполчено сполна, пусть не беспокоится. В Москве снежно и сухо — мне очень нравится. Вообще здесь, по-моему, много хорошего. И много любопытных людей, и очень полезных.

Без тебя вообще много(го) я не могу выяснить.

Приезжай — поговорим и обсудим окончательно.

Если ты привезешь складень-зеркало — то мне будет очень удобно — потрудись!

Телеграфируй же о числе, в которое выедешь, — я тебя встречу. Ехать до Поланского рынка к Надежде Федоровне. У нее тепло и уютно. Целую тебя, свет мой! Если хоть одно пшеничное зерно будет у меня, я перекушу его пополам — одну половину тебе — другую себе, без твоего утешения я жить не могу.

Оденься в дорогу теплее.

22.

Москва, 1931 г.

Толечка —

Дорогой мой, похлопочи завернуть Федора Стратилата — картоном сверху и хорошенько в бумагу и выдать Анне Никифоровне. Икона за занавеской — узенькая, длинная, воин с копьем в желтых латах, в красном плаще, это очень необходимо. Анна Никифоровна тебе все расскажет.

Благословляю и лобзаю сладко.

Н. К.

23.

Москва, без даты.

Толечка!

Если приедешь, то захвати у кумы корзинку, которая поменьше, — плетеная, она мне очень нужна! Тоскую по общению с тобой, лебеденок мой чистый!

Виктора¹⁶ не могу накормить с батумского гостибья, — что ни дай, все съест и все голодный остается. Но тих — тише гораздо питерского.

Целую, целую!

Виктор дал мне письмо твое: любопытно знать, чем таким стала тяжела для тебя Москва? Не Подвальцем?

24.

Москва, без даты.

Дорогое дитяtko, жду тебя на масляницу — блинов есть, но с условием все свои дела отложить — приехать не по делам, а ко мне, к моему сердцу в гости! Сообщи, чтобы тебе обратно купить билет на надлежащее число. Я поправляюсь медленно. По стихам ты почувствуешь мою боль. Только сейчас меня посетили и ушли — нарядные и веселые гости — артисты из большой оперы. На праздничном, еще не убранном столе и пишу тебе это письмо. Читал им и приложенное стихотворение, у всех на глазах были слезы, а одна, самая красивая, со вздохом... (обрыв в машинописи).

25.

Москва, 14 февраля 1933 г.

Дорогое дитяtko!

Получил твое письмо, благодарен тебе за него глубоко. Много бы можно о нем поговорить или отписывать, но отлагаю это до твоего приезда ко мне.

Прошу тебя известить меня заранее о своем выезде, чтоб я мог, насколько позволяют мои силы, встретить гостя не буднями.

Виктор живет у меня на полном содержании, у него ни копейки. Поступил он на 200 руб(лей). Первая получка будет в марте, и его придется попросить жить у себя и питаться без моих хлопот. Мне очень тяжело с ним. Хотя и спасибо ему, что он ночует у меня, пока я болен. Врач очень доволен, что сосуд у меня разорвался в легком и во рту у слюнной железки, могло быть кровоизлияние в мозг.

Кровь не перестает показываться вот уже неделя — каждый день. После твоего письма как будто стало в глазах светлей, но главная боль левой половины затылка очень сильная. Прописано лекарство. Верю тебе — твоему лекарству. Только оно может меня поставить на ноги, возвратить творческие часы, которые в моем положении все считаны. Ими весьма надо бы дорожить. Пока же они погасли. Во всю зиму я не был ни у кого, не оттого что я боюсь людей, а потому что не жду и не желаю от них ничего. И сладостно, что в болезни и мучении последних недель я как никогда утверждаюсь в том, что нужно идти тем путем, который труднее всего. Брать то, что мир отвергает, не делать того, что делает мир. Идти против мира во всех путях его, и тогда дойдешь к торжеству кратчайшим путем. Входите тесными вратами: потому что широки (е) врата и пространный путь ведут в погибель (Евангелие от Матфея). И когда ты говоришь, что нужно все испытать вплоть до спермоля — это лишь ядовитый суррогат познания. На самом же деле тебе нужно быть покорным шепоту души и сказать самому себе так: нужно быть многострунным, нужно всем пожертвовать, все претерпеть, ни перед чем не останавливаться, ничего не бояться ничему не верить, кроме подлинного голоса сердца. Должно всюду искать, углубляться в изыскания философии, изучать древность, черпать из музыкальных созвучий, жить с каждым цветком в природе, понять все страдания и их умиротворить, жить в вихре суетного света, не принимая его законов как истины, любить, плыть по волнам фантазии, читать, любить искусство, понять прелесть варварства, все нанизать на ось опыта и оставаться теплым и ясным, как заря над озером, быть спокойным, недвижимым, как снег на вершинах гор, и лишь в любви и ревности быть буйным и мятежным как море! Вот твой истинный голос, когда ты говоришь, что нужно все испытать. Я договариваю за тебя. Верю, что ты примешь это. Прости, ласточка, что первый раз за все шесть лет нашей близости я позволяю себе что-то похожее на поучение. Не принимай этих прекрасных слов и за насилие над тобой. Видно, так надо, чтоб они сказались. Пастернаку написал, но ответа еще нет...¹⁷ Послал тебе пару белья, — получи их у Елены Михайловн(ы). Больше ничего не взялись везти. В «Земле советской» напечатаны мои стихи,¹⁸ но гонорара никак не могу получить. Даже не на что выкупить паек. Мамин пирог я получил. Напрасно беспокоилась — благодарю!

Написал Тихонову¹⁹ письмо, чтоб печатали два стихот(ворения). Предложи им: «Я лето зорил на Вятке...»²⁰ В стихот(ворении) «В разлуке жизнь...» слово «молился» можно заменить словом — «трудился» (хотя это и будет клеветой на самого себя).²¹ Павел Васильев²² объявился, — шубу на хорях снес обратно в комиссионку, пьет до опухли, ходит звероподобным — на волосок от ночлежки и воровской «фомки» (так называется инструмент для взлома). Одним словом, настоящий Пушкин, только такой, каким его понимает каторжная камера, дебри ночлежек и ночных трущоб. Спрашивал: «Где Толька Кравченко? Я его хочу познакомить «с одной» из «Нового мира». Я собрал кое-что про эту «одну». Оказывается, она дочь инвалида из ларька с квасом и пивом — изъеденного всеми проказами существа, была замужем за наборщиком объявлений, но обкрала (так! — А. М.) его — костюм, велосипед, полевой бинокль, керосинку и все белье — теперь марьяжит с Васильевым, с которым видела тебя в «Новом мире». Одним словом, лилия с полей Саронских. Что породило возможность таких предложений моей ласточке, моему светлому другу? И почему моей юности никто не смел делать таких сувениров? Клычков тоже видел тебя с Васильевым в «Новом мире» — говорил, что после вашего ухода долго смеялся, что Пашка таскает за собой ходячую американскую рекламу. Так, вероятно, было нелепо, пришей кобыле хвост, видеть вас парой! Как водится, Пашка спарил Клычкова «с лилией», и получилась панорама: Клычков заболел — очень серьезно твердым шанкром. Приходил ко мне и, не стесняясь Виктора, чужого человека, умолял помочь, обвинял Пашку, что он спарил его с больной его с умыслом довести до пули, предварительно издеваясь над его, Клычкова, семейным счастьем и напирая на поэтическую свободу (мол, мама заругает). И Клычков не выдержал и доказал свою свободу и независимость от мамы...

Так providение оберегает тебя. Запомни это покрепче. Поразмысли и над таким явлением: вот Пастернак — поэт и известный человек, ты им весьма очарован. Почему же никакой Васильев не властен над ним, никто не может затащить его в кабаки или к Эльзе? Попробуй-ка затащи! Но, прости меня, моя камская чайка, — все от заботы, все от боли. Прости! Я ведь знаю, что моя ласточка, в какую бы попойную яму ни залетела, со щebetом, полным омерзения и тревоги, выпорхнет из

нее сверкающей и чистой как утренний луч. Верю в это. Поддержи во мне эту веру! Простираюсь к тебе любовью моей. Благословляю, ограждаю от темных житейских наитий. Учись разбираться в людях, не ходи за ними по первому зову. И будешь счастливей и жить будет легче, потому что меньше будет ошибок.

В Москве глубокий снег. По утрам заглядывает солнышко в мой подвалец. День заметно прибыл. Как в Питере? Есть зацепочка в Курских краях: река, лес, изба в саду яблонном, губерния не жаркая и не холодная — климат и погода ровные. Как тебе это представляется? Можно в Карелию — в большому рыбному озеру — светлomu, с прекрасными сухими берегами, лесом, охотой, но скудно маслом и яйцами. Напиши свои соображения. Как живешь? Придут оттепели, не простудись, не стой долго на улице после усиленной беготни. Сообрази — как бы тебе прислать гостинец — поспрошай, не поедет ли кто. Прокофьева²³ у меня не было, вероятно, и не заходил, я все дни и вечера дома безысходно. Вышли книги с портретами. Кланяется Грабарь²⁴ и советует мне удержать тебя от жажды скороспелой славы. Ему, говорит, нужно не жажда славы, а жажда знания, а остальное все придет в свое время. Это его точные слова. Он был у меня. Прости, дитячко мое! Не осуди деда. Жду ответа. Только твоими письмами и живу.

26.

Москва, 22 февраля 1933 г.

Дорогой Толечка! Жду ответа на два последние письма. Ставлю тебя в известность, что по твоему заявлению ты временно выписан из моей квартиры. Как, дитя, живешь? Все ли у тебя благополучно? Как твоя душенька? Извещай о времени приезда. Не то я сам приеду. Как только оттеплит немного. Больше нет сил ждать... Истерзался сердцем и песней. Тяжко. Не медли письмом. Целую тебя. Как твои карие яхонты — небось стали мутнее? Прости.

Твой дед.

27.

Москва, 4 марта 1933 г.

Здравствуй, мое дитячко. Пишу на почте. Очень рад, что «Липы»²⁵ не прозвучали в твоём сердце как панихида по нашей дружбе. Мне вовсе не лестно, что Федин²⁶ взволновался моей болезнью, вот если бы ты почувствовал ее во всей значимости, то это было бы для меня драгоценно, а для тебя прекрасно и благородно!

Я одиночествовую только для тебя, чтобы не мог ты ничем укорить меня. Люблю. Целую. Дед.

28.

Москва, 13 марта 1933 г.

Дорогой Толечка, получил твое письмо с сообщением о твоих болезнях и о том, что тебе доктор отменил есть только белый хлеб. Я глубоко уверен, что в этом нет ничего страшного и окончательного и что это лишь частное мнение частного доктора. Поэтому будь спокоен и продолжай свое милое дело искусства. Мало ли бывает разных недугований!..

У меня дела налаживаются... (далее следует обрывочный текст).

29.

Москва, 1 апреля 1933 г.

Благодарю тебя, свет мой и любимое дитя мое, за цидулку жалкую и рваную, но все же сердечно дорогую и желанную! Доехал я благополучно. Виктор, как и следовало ожидать, прибыл на вокзал встречать меня тогда, когда я уже был дома и ждал его несколько часов, сидя у соседей. Свое гнездо я нашел, разумеется, хлевом, все вещи и посуда до единой чашки унавожены до неузнаваемости. Квартиру Виктор не топил, форточку не открывал, окон не протирал, так что они заросли грязью снаружи. С самоваров воды не выливал, и они проржавели и стали течь. Прокипятил их с содой и изгнал смрад и гниль из них. Занавес, одеяло и подушки — как передник у кузнеца — все отдал в стирку до половиков включительно. Эта скотина ничего не видит и не слышит, и никаких даже присущих собаке чувств и при-

вязанностей у него к тебе или ко мне и допускать смешно, так что твое милое хозяйство здорово пострадало от испытанного лишь в идиотстве и шалопайстве приятеля! Он все мучит меня обещаниями купить белила и проч(ее) и тем тормозит отправление тебе штиблет и галаш почтой. Не две же посылки соображать! Радоваться ли, что тебе дали отпуск — месяц? По-моему — хорошо! И учебный год тебе зачтется, и осень будет без хлопот об экзамене. Непременно попей нарбутовского лекарства и возьми хоть 8-10 ванн. Много в твоём поведении, вплоть до излишней дозы портвейна в чай, объясняется твоим нездоровьем. Ты, конечно, это понимаешь, тем более имея всегда перед глазами такое страшное доказательство невнимания к своему здоровью, как твой брат Владимир! (...) Жду твоих резонов о приезде в Москву — так буду и соображать, не доводи извещением до последнего дня. Моих слез и так достаточно. Вплоть до Твери я плакал. Так что соседи по вагону жалели «бедного священника», которому, вероятно, не дали паспорта и разлучили с горячо любимым сыном. Они видели тебя в окне. Жалкие люди, убогие и серые вороны!.. Надеюсь, что до 15-го ты удосужишься написать мне, чтобы я не жил предположениями. Особенно мне что-то жутко за твои поездки в Детское,²⁷ что-то царапает мое сердце... **Обрати на это внимание.** В общем же у меня как будто все благополучно. Дров березовых полная кладовка — приехал, нанял троих мужиков — распилили в полчаса и сложили. Виктор и этого не сделал. Здоровье мое покрепчало — после свидания с тобой, и в груди что-то похоже (так! — А. М.) на успокоение, но, конечно, не равнодушие. Как ты себя чувствуешь? Не протудись на вешнем ветру. В Москве погода сияняя и ясная. Только под утро сухо — прохладно. Я топлю печь каждый день... (конец письма утрачен).

30.

(Москва), без даты.

(Утрачен лист машинописи с началом письма) ... замолчишь, то доконаешь меня окончательно. Клянусь тебе, что любовь моя останется невозмутимой, как ясное озеро! Ведь только от лжи оно темнеет. Не подбирай слов для своего ответного письма. Все можно сказать твоему деду. Все он поймет. Все примет во внимание. Бережно, с истовым доверием приму я каждое слово твое — ласточка моя! Где ты был в проклятую ночь? Помню, пахло от тебя чужим мылом, был ты серый, с исченками (так! — А. М.) под глазами, с сухими губами — всю поправку своего здоровьишка, все хлопоты деда истратил в одну ночь. Поди в Питер-то приехал зеленый? Напиши мне немедленно, в случае удара со мной, — приедешь ли хоронить меня или темны (леса) помешают и широкие пути задержат тебя?

Представь ярче мертвецкую больницы и одинокий гроб. А (...) может случиться раньше и проще, чем ты думаешь. Смерть бабушки в день свадьбы твоего брата — тебе пример (...) Поторопись, дитя мое, щebetом ласточки (...) пожалей мою ревность: где ты провел пьянку? (...) Васильева на кухне? Была ли пьянка с Василь (...). Когда я был в Сочи (то, что ты был (...) у Каминской, ты мне говорил сам) (...) ночевал после выпивки с Васильевым (...) Васильев у тебя и с кем? При каких (...) стихи попали к Васильеву? (...) Обещал протекцию и (...) твоём месте давно бы рассказал (...) тебе мешает? Наша светлая (...) больше раскроется душа моя... Слезами бы я омыл ноги тебе... (окончательный обрыв листа).

КОММЕНТАРИИ

1. Дядя Пеша — личность не вполне установленная. В письмах Клюева к Анатолию упоминается неоднократно. По словам Б. Н. Кравченко, он был земляком Клюева, из бывших купчиков. В 1930-е годы репрессирован.

2. Коленька — земляк и друг Клюева Николай Ильич Архипов (1887—1967). Будучи в 1920-е — 1930-е годы директором петергофских музеев и парков, он содействовал становлению Анатолия Яр-Кравченко как художника-оформителя, книжного графика. Анатолием была оформлена его книга-путеводитель «Сады и фонтаны Петергофа» (1930 г.). Рисунок ее обложки (Самсон, раздирающий пасть льва) был одобрен Клюевым, который настойчиво рекомендовал его в своей записке Н. И. Архипову: «Коленька! Настаивай упорно на первом основном рисунке обложки, он подлинный и по гармоничности и легкости — редкость. Интригующа и завлекательна — больше всякого Самсона. Особенно для приезжего посетителя — купит всякий, хотя бы смутно чувствующий скульптуру и ее эротику. Очень и очень прошу пощадить первый образец, которому завидую как обложке. Такая обложка достойна украшать любого поэта. Я удивлен этому рисунку и Толечкину искусству» (Рукописный отдел Пушкинского Дома, Санкт-Петербург).

3. Борис — брат Анатолия Борис Никифорович Кравченко (род. 1913 г.).
4. Клычков Сергей Антонович (1889—1937) — поэт и прозаик, один из плеяды новокрестьянских поэтов. Ключев был с ним дружен еще с начала 1910-х годов.
5. Союз — имеется в виду Союз писателей как общественная организация.
6. Надя — московская знакомая Ключева Надежда Федоровна Христофорова-Садовая (1880—1978), певица и музыкальный педагог, у которой он в начале 1930-х годов проживал, занимаясь обменом своей ленинградской квартиры на московскую. Его письма к ней из Сибири как к своей «духовной сестре» (1934—1937 гг.) составляют значительную часть ключевского эпистолярного наследия. Частично вместе с ее воспоминаниями о поэте опубликованы: «Наш современник», 1992, № 5.
7. Саменов Анатолий Николаевич (1884—1942) — оперный певец, солист Большого театра в Москве, муж Н. Ф. Христофоровой-Садовой.
8. Миша — Михаил Дмитриевич Егоров (1883-?) — художник.
9. Кардовский Дмитрий Николаевич (1866—1943) — известный русский художник.
10. Томский — персонаж оперы П. И. Чайковского «Триколора».
11. «Мадур Ваза» — имеется в виду поэма С. Клычкова «Мадур Ваза победитель», представляющая собой вольную обработку вогульского эпоса «Янгал-маа».
12. Плотников М. А. — собиратель и автор первичной обработки вогульских сказаний в поэму «Янгал-маа» (Тундра).
13. Илья Николаевич — сын Н. И. Архипова.
14. «Ленин» — книга стихотворений Ключева, написанных в 1917—1921 гг., в которых нашли свое выражение сложные отношения поэта к революции. Издавалась трижды — в 1923 и 1924 гг.
15. «Стихи из колхоза» — небольшой цикл из последних напечатанных стихотворений Ключева. Опубликовано: Земля советская, 1932. № 12.
16. Виктор — имеется в виду Виктор Генрихович Тиссен (1903—1942) — художник, скульптор. В музее Н. А. Ключева (Вытегра) хранится резанная им из дерева голова поэта. Был другом А. Н. Яр-Кравченко. Погиб во время Великой Отечественной войны.
17. «Пастернаку написал...» — Письмо Ключева к Пастернаку не обнаружено. Известно ответное письмо второго к первому. Опубликовано: «Из творческого наследия советских писателей». Л., 1991.
18. «В «Земле советской» напечатаны мои стихи.» — Имеется в виду цикл стихотворений «Стихи из колхоза». См. пункт 15.
19. Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — русский поэт. Ключев встречался с ним в 1920-е годы, проживая в Ленинграде. Одна из таких встреч записана по его рассказу Н. И. Архиповым в «Черной тетради».
20. «Я лето зорил на Вятке...» — стихотворение Ключева, написанное им в 1932 г.
21. «В разлуке жизнь...» — начальные слова стихотворения Ключева «Письмо художнику Анатолию Яру» (1932). Не опубликованное при жизни поэта, оно избежало прискорбной, в духе времени, замены «молился» на «трудился» («Как я молился, пел, любил...»).
22. Васильев Павел Николаевич (1910—1937) — поэт, с которым Ключев был близко знаком в свой московский период жизни и которого высоко ценил, считая его своим преемником и поэтом родственной судьбы («Клеветникам искусства», 1932). Расстрелян в один год с Ключевым. Вместе с тем Ключев считал его невольным виновником своего ареста, поскольку через него попал какой-то «компрометирующий» Ключева материал в руки И. М. Гронского, по звонку которого И. В. Сталину и с санкции последнего поэт был 2 февраля 1934 г. арестован. Но даже и это не повлияло на высокую оценку Ключевым поэзии П. Васильева. Так, относительно усиливавшейся в 1936 году травли последнего он в письме из Томска к С. Клычкову (на имя его жены В. Н. Горбачевой) писал: «Что Литгазеты назвали его бездарным — это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами, может оказаться бездарным совершенно по другим причинам (так сказал один мудрый китаец). Мне бы очень хотелось прочесть бездарные стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему, что я написал четыре поэмы. В одной из них воспел и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопраз самоцветный!» («Новый мир», 1988, № 8).
23. Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — поэт, с которым Ключев был знаком в ленинградский период своей жизни.
24. Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — художник, искусствовед, с которым А. Н. Яр-Кравченко встречался в конце 1920-х — начале 1930-х годов в Петергофе.
25. «Липы» — имеется в виду стихотворение Ключева «Моему другу Анатолию Яру» (зима 1932—1933 гг.), начинающееся строкой «Продрогли липы до костей...».
26. Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель-прозаик. О встречах Ключева с Фединым сведений не имеется.
27. Детское — имеется в виду Царское Село, переименованное в 1918 г. в Детское Село, ставшее с 1937 года городом Пушкиным.